

Любимец твоих дьяволов

Автор:

Александра Монро

Любимец твоих дьяволов

Александра Монро

Вокруг нее театр из аристократов, миленьких подруг и ванильных парней, но он знает, что это все лишь идеальные маски, знает, что под ними скрывается совершенно другая Лия Анисимова. И он намерен выпустить всех ее демонов на свободу.

В оформлении обложки использовано изображение с сайта <https://pixabay.com/en/people-man-woman-couple-2589818/> (<https://pixabay.com/en/people-man-woman-couple-2589818/>) , правообладатели на этом сайте разрешают использование своих изображений.

Смотрит, как она надевает тоненький кружевной бра, как умело застегивает, даже не акцентируя на этом внимания. Склоняя голову слегка на бок, смотрит на тонкую загорелую талию, спускается взглядом ниже, задерживаясь на оголенных ягодицах, между которыми пролегла лишь тоненькая полоска от стрингов.

Она идеальна.

Откинула длинные тяжелые волосы, которые кудрями струились по спине, доходя до конца талии. Судорожно надела на себя легкое платьице, даже и не подозревая, что он смотрит на нее. Смотрит и не понимает, как в этой хрупкой маленькой девочке помещаются две равноправные личности. Он пытался узнать, пробудить ту часть шатенки, которая просыпается ночью, в темноте.

Ту ее часть, которая делает эту малышку такой сексуальной. То долбанную часть, которая гаснет с первыми лучами солнца. Когда она прогибается под ним, выстанывая его имя, двигаясь так, словно рождена была для секса.

И он не понимал. Совершенно точно не понимал, какого хера она так быстро меняет эту дьявольскую маску утром на маску долбанного ангела. Она не такая. Кому бы она ничего не пыталась доказать, он знал ее настоящую. Знал каждого из ее дьяволов, которые так его любили. Почему она ночью, делая невероятное с ним, срывая с него крышу, заставляя сжимать ее тело крепче, заставляя бороться за место доминанта, ничего не боится, а на утро превращается в милую девчущку, которая краснеет только от одного слова «секс»?

И он намеревался узнать все.

Намеревался выпустить наружу всех ее внутренних дьяволов, которые скреблись наружу, которые хотели свободы.

– Лия, – пробормотал он, смакуя ее имя во рту. – Родители не учили, что убегать, не попрощавшись, как минимум, некультурно? Тем более, после того, как ночью ты так красноречиво выстанывала мое имя, просила не останавливаться.

Вздрыгнула, обернувшись на его голос, встречаясь с его зелеными глазами, пылающими насмешкой и неконтролируемым желанием, ведь эта девушка была лучшей из тех, кто у него был. А было их не мало. Но именно этот ангел с пронзительными карими глазами заставлял его сходить с ума, забывать обо всем на свете, когда он рядом с ней, когда она его целует.

Черт.

– Этого больше не повторится, Богдан, – прошипела девушка, видимо все еще не до конца перешагнув черту. – Все это было большой ошибкой, повторения которой я больше не допущу. Ни за что на свете.

Хотелось рассмеяться. В голос, чтобы она понимала, как неубедительно звучат ее слова для него. Чтобы понимала, что она никуда от него не денется, потому что только он способен удовлетворить все ее желания. Ни один из ванильных мальчиков, входивших в ее окружение, не мог схватить ее за волосы и оттрахать так, что на утро все тело ломит. Не один из этих мальчиков, не мог дать ей того,

чего она хотела.

Грубости. Жестокости.

Чтобы она ни говорила, она слишком сильно привязана к нему. Ее дьяволов, которых она так тщательно скрывает, слишком сильно тянет к нему. Как к магниту. И она понимает это, как бы не доказывала обратное. Он верит ее телу больше, чем этим словам, которые вылетают из ее прекрасного ротика.

Который так сладко целовать.

– Кажется, котенок, ты говорила это и в прошлый раз, и в позапрошлый, что-то я не вижу, чтобы ты меня сторонилась, – он поднялся с кровати, абсолютно обнаженный, медленно, словно хищник к своей жертве, подошел к девушке, шепча ей в самое ухо. – Чтобы ты не говорила, внутри ты сама прекрасно знаешь, что не сможешь уйти навсегда. Сколько бы ты не строила из себя недотрогу, знай, что я могу нагнуть тебя где угодно и когда угодно.

Она дрожала. Словно осиновый лист. Чувствуя, как нарастает возбуждение только оттого, что он рядом. Полностью голый. От его голоса, грубого, с хрипотцой, которая придает наследнику рода Игнатьевых. Едва ли не самому богатому роду в городе. Она поддавалась ему, она хотела его, несмотря на его репутацию полного ублюдка, несмотря на то, что их семьи абсолютные соперники, несмотря на то, что у нее уже есть жених, который идеально впишется в ее семью, который уже был одобрен ее родителями.

Несмотря на все эти факты, она каждый раз летела в его объятия, как мотылек на полыхающее пламя.

С ее репутацией она вообще не должна была находиться рядом с ним, она не должна была даже смотреть на него. Она ведь «солнечный зайчик» высшего общества, как ее прозвали. Как бы она не хотела, как бы она не желала, чтобы он исчез из ее окружения, она не могла без него.

Он был тем, кто успокаивал то, что разрывало грудь.

– Иди к черту, – выплюнула она с раздражением. – Богдан, серьезно, держись от меня подальше, иначе...

– Иначе что? – усмехнулся парень, кладя руки на ее талию, крепко прижимая к себе. – Пора бы уже запомнить, котенок, что я беру то, что хочу и тогда, когда хочу. И не надо лгать о том, что тебе не хочется этого. Смотри, как бы ты не хотела сейчас убежать отсюда поскорее, ты дрожишь от моих прикосновений, и я уверен, что твое белье сейчас мокрое от желания.

Ее выводило. Раздражало. Выбешивало. Называйте, как хотите. Она не могла смириться с тем фактом, что он прав. Что он всегда так чертовски прав. Она не могла поверить, что весь ее контроль, все ее приучения собственных желаний, он разрушал лишь легким прикосновением.

Поцелуем срывал все маски.

Все, что она так тщательно строила. Все ее идеальную жизнь разрушал Богдан Игнатъев, которого она не могла вырвать с корнем из своей головы. Но она больше не хотела быть зависимой. Она больше не хотела рушить свою жизнь.

Она не хотела ломаться.

А ведь Богдан сломает ее, как легкую фарфоровую куклу, а ей этого не надо. Она слишком остро реагирует на боль. Она не может потерять кого-то еще. После смерти Антона она больше не хочет терять близких людей. Поэтому она просто не может допустить, чтобы Игнатъев стал для нее таковым.

Это было бы слишком глупо с ее стороны.

– Отвали, – она толкает его в сторону, только вот он совершенно не поддается, продолжая стоять рядом, сжимая ее хрупкое тело в крепких объятиях. – Игнатъев, отвали от меня, слышишь?

Но он словно и не слышал, словно задумался о чем-то. Словно и не чувствовал ее сопротивления, а она боялась поднять на него глаза, боялась того, что может просто сдастся под его напором. Прогнутая. Снова и снова продолжая сдаваться своей темной стороне. Это просто надоело. Надоело чувствовать себя такой

слабой, такой беспомощной перед ним.

Перед его обжигающими руками.

Выразительными губами. Светлыми волосами. Зелеными глазами. Он весь притягивал ее к себе, словно магнит. Он был слишком любим ее дьяволами, чтобы она могла хоть как-то противостоять этому наваждению. Но она должна была. Должна была оттолкнуть. И она пыталась, только вот Богдан явно был против такого расклада.

Почему?

Почему ему так нравится ее мучать?

– Я ненавижу тебя, – выкрикнула она, продолжая активно вырываться из его рук. – Слышишь? Ненавижу, – голос срывался на обреченный шепот.

Он приподнял ее за подбородок, заставляя смотреть в его глаза, заставляя пропитываться им полностью, заставляя понять, насколько она глупа в своих желаниях избавиться от этого наваждения. Ни с кем ей не было так хорошо, как с ним, хотя он и был у нее вторым.

Первым был немощный паренек, с которым она встречалась в семнадцать, да и, похоже, он был девственником, который и не знал, как пользоваться членом, не знал, что ей сказать, как успокоить, потому что она была из тех девчонок, у которых первый раз проходит очень болезненно. А он лишь вдалбливался в ее тело, доставляя нереальную боль, словно она была резиновой куклой, а не живым человеком.

Так что она потом вообще не могла смотреть на парней.

Было противно. Не хотелось вообще ни с кем из них близко общаться. Даже смотреть на них не хотелось, но бизнесу отца нужна была финансовая поддержка, поэтому мать настояла на том, чтобы Лия познакомилась с Маратом Щербатым, отец которого мог бы помочь Анисимовым подняться на новый уровень.

А потом на одном из званых вечеров она увидела его. Богдана, мать его, Игнатьева. И мир перевернулся, чтобы больше никогда не стать прежним.

– Ненавижу, – прошептала она еще раз, опалая его губы своим горячим дыханием.

– Ага, рассказывай это кому-то другому, котенок, – проговорил он, усмехнувшись. – Можешь скакать в свою норку, но мы оба знаем, что ты вернешься, потому что никто не может дать тебе того, что даю я. Так что давай, Лия, цепляй свои маски дальше, но когда-нибудь я сорву их с тебя навсегда, ясно? Ты слишком сильно нравишься мне настоящей сукой, чем вот эта твоя слащавая маска ангела.

Он отпустил ее. Поэтому она поспешила убежать, куда подальше от его глаз, от его голоса, хотелось уехать из страны, чтобы больше не видеть это огромное элегантное поместье, чтобы больше никогда не бывать в этой комнате с такой огромной кроватью с балдахином.

Просто. Убежать.

Трусливо поджав хвост.

Хотя она и никогда не была трусихой. Никогда ничего не боялась так, как влияния этого высокого парня на свое тело, на душу, на ту Лию, которую он все больше и больше будит. Ту Лию, которую она так тщательно усыпляла в себе. И ей совершенно точно не нужно было ее пробуждение.

Она уже была у двери, которая вела на свободу, когда ее перехватили за руку и снова крепко прижали к мускулистому телу. Он был намного выше ее, поэтому его подбородок идеально ложился на ее макушку. Он пах восхитительно. Дорогой парфюм, запах которого въедается в легкие, не давая возможности дышать полной грудью.

Она не понимала, зачем он это делает.

Зачем ему она, если вокруг него вьются все девушки города, готовые выполнять любые его прихоти? Любые желание, лишь бы он только был рядом, как и его кошелек. Зачем ему мучать ее?

Она хотела бы избавиться от этого ноющего чувства в груди, но не могла. Ведь она всегда возвращалась к нему, потому что тянуло, потому что все ее тело требовало его. Целиком и полностью. Вся ее темная сторона желала его, и она не могла противиться ей. Она вообще ничего не могла сделать.

И он целует. Жадно. Властно. Так, как никто и никогда ее не целовал. Так, как она любила. Так, что подгибаются коленки. Так, что светлая сторона ее души просто машет рукой, а темная зарывается руками в его светлые волосы, и отвечает на поцелуй. С еще большей страстью. Потому что не может противиться.

Потому что слишком сладко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/monro_aleksandra/lyubimec-tvoih-d-yavolov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)